

О. В. Рябов

Санкт-Петербург, Россия

МЕДВЕЖЬЯ МЕТАФОРА РОССИИ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается роль метафоры «Россия-медведь» в международных отношениях. Автор останавливается на специфических чертах метафоры, которые обуславливают ее включение в международные отношения; анализирует историю и основные черты образа России как медведя в западной культуре; рассматривает использование медвежьей метафоры в российском внешнеполитическом дискурсе; отмечает современные тенденции ее эксплуатации в глобальной символической политике.

Автор делает вывод о том, что использование метафоры «Россия-медведь» оказывает влияние как на восприятие страны на международной арене, так и на принятие внешнеполитических решений. В западном дискурсе медвежья метафора используется, как правило, для проведения символической границы с Россией, будучи призванной промаркировать ее неевропейскую сущность и обусловленные этим агрессивность и отсталость. В статье рассматриваются такие последствия включения медвежьей метафоры России в международные отношения, как 1) мобилизация негативных значений, закрепленных за образом «русского медведя»; 2) эссенциализация нынешних противоречий между Россией и Западом, представление их в качестве сущностных и потому неустранимых; 3) гомогенизация россиян, что приводит к идее их коллективной ответственности за внешнюю и внутреннюю политику страны; 4) их дегуманизация, лишение человеческого лица. В российском внешнеполитическом дискурсе нынешняя ситуация в использовании медвежьей метафоры характеризуется значительным усилением самоидентификации Росси с медведем, что и отражает усилившиеся антизападные и изоляционистские настроения, и поддерживает их.

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ 'Родины-матери' в символической политике современной России».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концептуальные метафоры, международные отношения, политический дискурс, политическая метафорология, образ России, метафорическое моделирование, метафорические модели, зооморфные метафоры.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Рябов Олег Вячеславович, доктор философских наук, профессор, консультант проректора по научной работе, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. E-mail: riabov1@inbox.ru.*

O. V. Ryabov
Saint Petersburg, Russia

THE BEAR METAPHOR OF RUSSIA AS A FACTOR OF INTERNATIONAL RELATIONS

ABSTRACT. *The paper dwells upon the role of the metaphor «Russia is a bear» in international relations. The author traces specific features of metaphor which cause its using in international relations; analyzes the history of the image of the «Russian bear» and its main features; considers employing the bear metaphor in Russian discourse of foreign policy; investigates the contemporary trends in its application in the global symbolic politics.*

The author points out that using the metaphor «Russia is a bear» influences both the representations of the country on the international arena and in political decision-making. In the Western discourse the bear metaphor is exploited to draw a symbolic border with Russia and represent the country as non-European, aggressive, and backward. The paper deals with analysis of consequences of employing this metaphor in international relations: 1) the mobilization of negative meanings of the image of the «Russian bear»; 2) the essentialization of the current tensions between Russia and the West, representing them as everlasting and ineradicable; 3) the homogenization of Russians that holds them collectively responsible for the domestic and foreign policy of the country; 4) the dehumanization of Russia, the obliteration of its human face. As for the current Russian discourse on international relations, it employs the metaphor for self-identifying much more actively than earlier. This tendency, on the one hand, reflects growing anti-Western and isolationist sentiments, on the other, maintains them.

KEYWORDS: *conceptual metaphor, international relations, political discourse, political metaphorology, image of Russia, metaphorical modeling, metaphorical models, zoomorphic metaphors.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ryabov Oleg Vyacheslavovich, Doctor of Philosophy, Professor, Consultant of the Vice-Rector for Research, Saint Petersburg State University.*

«Русский медведь» становится все более заметным персонажем дискурса международных отношений. Медвежья метафора России обретает визуальное воплощение в карикатурах и демотиваторах; к ней обращаются не только журналисты, но также представители экспертного сообщества и политики — то есть, те, кто готовит внешнеполитические решения, принимает их и проводит их в жизнь. Так, доклад Центра европейских исследований В. Мертенса о «русской пропаганде в Европе» (июль 2016) был назван «Медведь в овечьей шкуре»,¹ а кандидат в вице-президенты США во время теледебатов, критикуя Россию, заявил, что существует древняя пословица: «Русский медведь никогда не умирает, он лишь впадает в спячку».² Столь широкая представленность во внешнеполитической риторике метафоры «Россия — медведь» позволяет предположить, что она обладает высокой значимостью. Верифицируя данное предположение в настоящей статье, я остановлюсь вначале на специфических чертах метафоры, которые обуславливают ее включение в международные отношения. Далее предметом анализа становятся история и основные черты образа России как медведя в западной культуре, а также функции, которые медвежья метафора России выполняет в политике стран Запада. Затем речь пойдет о том, как эта метафора используется в международной политике, проводимой Россией. Современные тенденции ее эксплуатации в дискурсе международных отношений (прежде всего, в условиях укра-

© Рябов О. В., 2016

¹ The Bear in Sheep's Clothing: Russia's Government-Funded Organisations in the EU. URL.: <http://www.martenscentre.eu/publications> (accessed: 25.10.2016).

² Волков К. Кандидат в вице-президенты США: Русский медведь никогда не умирает // Российская газета. 2016. 5 октября. URL.: <https://rg.ru/2016/10/05/kandidat-v-vice-prezidenty-ssha-russkij-medved-nikогда-ne-umiraet.html> (дата доступа: 25.10.2016).

инского кризиса) рассматриваются в следующей части статьи. В заключение анализируются последствия вовлечения медвежьей метафоры в мировую политику.

Метафора как фактор международных отношений

В последние годы язык международных отношений активно исследуется в качестве их значимого фактора; роль метафор в дискурсе внешней политики вызывает у исследователей особый интерес [см., напр.: Лакофф 2006; Lakoff 2003; Cohn 1993; Shimko 1994; Chilton 1996; Diemert 2005; Будаев, Чудинов 2006; Steuter, Wills 2008; Marks 2014]. В теории когнитивной метафоры было показано, что метафора — это важнейший элемент не только языка, но и мышления; она представляет собой основной когнитивный механизм, используемый человеком для того, чтобы упростить мир, приблизить его к собственному жизненному опыту. Подобно аналогии, она выступает формой «ментальной экономии» [Shimko 1994: 660]. В первую очередь этим объясняется широкое использование метафор при восприятии и описании вопросов политики и, особенно, политики международной¹.

Вместе с тем необходимо принимать во внимание, что, позволяя нам сосредоточиться на одном аспекте понятия, метафора может мешать сосредоточиться на других аспектах, с ней несовместимых [Лакофф, Джонсон 1990]. По этой причине метафоры обладают значительным манипулятивным потенциалом, что объясняет их широкое использование в политической риторике, который тем более велик, что влияние метафоры на наше мышление — а потому и поведение — по большей части невидимо [Steuter, Wills 2008: 7].

В таком контексте можно согласиться с тем, что концептуальная метафора представляет собой «ценнейший инструмент геополитической борьбы» [Будаев 2015: 13]. Хорошо известно высказывание Дж. Лакоффа, который, анализируя репрезентации войны в Персидском заливе, отметил, что механизмы метафорического мышления активно используются в дискуссиях о внешней политике; подкрепленные бомбами, метафоры способны убивать [Лакофф 2006].

¹ Более того — метафора оказывает влияние не только на репрезентации внешней политики политиками и журналистами и восприятие ее обычными людьми, но и на ее концептуализацию учеными в основных теориях международных отношений [Shimko 1994; Marks 2014].

Таким образом, привлечение метафоры становится одним из важных способов производства смыслов; оно, как показала К. Кон на примере гендерной метафоризации, выступает средством символического насилия [Cohn 1993]. Согласно П. Бурдые, символическое насилие как навязывание политическими акторами своих культурных и символических практик, внедрение в сознание граждан выгодной для себя иерархии норм и ценностей играет ключевую роль в воспроизводстве социального неравенства [Бурдые 2007]. Использование концептуальных метафор может быть рассмотрено в качестве составляющей символической политики, которая представляет собой деятельность политических акторов, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве [Малинова 2012: 180].

Медвежья метафора России в западной культуре

Метафоры, характеризующие отношения России на международной арене, многообразны; исследователи выделяют такие виды, как телесная, гендерная, природная, милитарная, спортивная, морбиальная, метафоры родства, дома [см., напр.: Чудинов 2001]. Метафора «Россия-медведь» — одна из самых примечательных — появляется в Западной Европе около пятисот лет назад и к XVIII в. становится признанной аллегорией страны как в Старом, так и в Новом Свете [Лазари, Рябов 2008; Россомахин, Хрусталеv 2008]. Дань использованию медвежьей метафоры отдали выдающиеся представители западной культуры, среди которых известные писатели, художники, скульпторы, медальеры, режиссеры, публицисты. О значимости образа «русского медведя» говорит и то обстоятельство, что его «носителями» выступают газеты и сатирические карты, почтовые марки и открытки, медали и игрушки, художественные и анимационные фильмы [Lazari, Riabow, Żakowska 2013]. Особая роль в популяризации образа принадлежит карикатурам с «русским медведем», первые из которых появляются в 1730-х гг. [Россомахин, Хрусталеv 2008].

В процессе метафорической проекции осуществляется перенос в сферу-мишень сформировавшихся элементов сферы-источника; поэтому, анализируя прагматический эффект медвежьей метафоры, необходимо принимать во внимание специфику концептосферы определенного лингвокультурного сообщества. Очевидно, наряду с инвариантами, в различных культурах есть

свои особенности восприятия медведя.¹ Для понимания основных свойств и функций медвежьей метафоры России в дискурсе международных отношений необходимо принимать во внимание, что она утверждается в тот период, когда образ медведя как такового в западноевропейских культурах носил ярко выраженную негативную окраску. В дидактической литературе медведь олицетворял сразу несколько грехов, в том числе грехов смертных, включая гневливость и похоть, а также жестокость, мстительность, лень [Bieder 2005: 79; Shepard, Sanders 1982: 136]. Принимая во внимание все сказанное, не приходится удивляться, что медведь нередко символизировал сатану [Bieder 2005: 82]. Кроме того, медведь нередко иллюстрировал способность церкви укротить природу при помощи духа, привести язычников к христианству. Как отмечает П. Меллер, в текстах западных писателей русские, ассоциируемые с телесным и природным, противопоставлялись европейцам, ассоциируемым с разумом и цивилизацией; именно это, по мнению исследователя, и явилось отправной точкой представлений о России как об *ursa major* [См.: Neumann 1999: 80–81]. Медвежья метафора способствовала приписыванию русским черт, которые используются в дискурсе Модерности для маркировки Другого: варварства, лени, деспотизма, неспособности к прогрессу, непредсказуемости. Дж. Диттмер справедливо отмечает, что такие коннотации медвежьей метафоры, как грязь, отсталость, глупость, иррациональность, необходимость контроля со стороны Запада являются типичными для ориенталистского дискурса [Dittmer 2003]. Наконец, «медведь» был призван акцентировать такую характеристику России, как агрессивность. Этот образ имеет и позитивные коннотации; о медвежьей силе России вспоминают не только соперники, но и союзники [Lazari, Riabow, Żakowska 2013]. Однако в основном «русский медведь» вызывает на Западе такие чувства, как ощущение собственного цивилизацион-

¹ Так, в латышской культуре медведь является, скорее, положительным персонажем, что находит отражение и в том, какое место в национальной мифологии занимает эпос «Лачплесис», и в том, что одним из самых светлых символов культуры является *Lāimes Lācis*, «медведь счастья». Это, кстати, может служить объяснением тому факту, что на страницах латышских сатирических изданий образ «русского медведя» практически не встречается до второй четверти XX века: медвежий символ не мог в полной мере играть роль этноразличительного маркера, отделяя латышей от русских и от России [Гайлите 2013].

ного превосходства, опасение разбудить свирепого хищника, желание приручить его, а то и посадить на цепь.

Анализируя функции, которые выполняет исследуемая метафора, прежде всего отметим, когнитивную: она помогает получить первоначальные представления о России как большой, сильной и потому потенциально опасной стране.

Кроме того, обозначая границу цивилизованности, образ российского Другого способствует укреплению позитивной коллективной идентичности европейцев [Neumann 1998: 239]. Сегодня страх перед «русским медведем», русофобия, помогает созданию общеевропейской политической идентичности и легитимации Евросоюза, будучи используемым в политике европейской идентичности [Рябов 2016].

Далее, исследуемая метафора выступает одним из инструментов внутриполитической борьбы в западных обществах. Обвинения политических соперников в пророссийских симпатиях иллюстрируются при помощи изображения их в медвежьем облике (скажем, в виде медвежонка на карикатуре 1924 г. из журнала «Punch» представлены британские коммунисты¹).

Наконец, медвежья метафора помогает обосновать определенную внешнюю политику в отношении России. Она особенно востребована в пропагандистском обеспечении военных конфликтов, будь то наполеоновские войны, Крымская война, русско-японская война, Первая и Вторая мировые войны, Холодная война, «Пятидневная война» в 2008 г. в Закавказье [Riabov, Lazari 2009].

Медвежья метафора России в российской культуре

Таким образом, медвежья метафора занимает важное место в западном взгляде на Россию, выступая фактором международной политики. К вопросу о том, к каким последствиям приводит уподобление России медведю, вернемся в заключительной части статьи; пока же остановимся на проблеме использования этой метафоры в российской внешнеполитической риторике.

Вопреки достаточно распространенному сегодня мнению, медведь не является «исконным символом» России. Во всяком случае, в «высокой» культуре Российской империи — у писателей, философов, художников — не удается найти свидетельств

¹ *Raven-Hill L.* Love me, love my cub // *Punch*. 15.11.1924. URL.: <http://www.pictorialgems.com/1924-Labour-Party-With-Russian-Bear-British-Communist-Cub.39176>. (accessed: 25.10.2016).

ни особо уважительного отношения к медведю, ни тем более идентификации России с ним. В советский период образ «русского медведя» продолжал активно использоваться на Западе, и в СССР этот образ был призван, по преимуществу, иллюстрировать специфику восприятия страны ее западными недоброжелателями¹. Изменение отношения к медведю как национальному символу в России происходит лишь в постсоветский период, прежде всего благодаря вовлечению этого символа во внутреннюю политику. Изображение медведя появляется на логотипе «партии власти» еще в 1999 г. и с тех пор используется в самых разнообразных формах политического брендинга как в процессе легитимации власти, так и ее делегитимации [см., напр.: Рябов, Константинова 2011; Ворошилова 2013]. Вместе с тем было бы упрощением видеть причины роста популярности медведя в качестве национального символа только в политической пропаганде. Интерес к этому символу обнаруживает себя уже после распада СССР, когда он включается в процессы создания постсоветской идентичности, основанной на противопоставлении как советскому периоду, так и западной цивилизации. В 2000-х гг. же культ медведя стал частью процесса изменения национальной идентичности, который можно обозначить как «ремаскулинизация России», включающий наделение образа страны маскулинными коннотациями (сила, рациональность, автономность) и создание привлекательных образцов национальной маскулинности [Riabov, Riabova 2014].

Медвежья метафора набирает популярность и во внешнеполитическом дискурсе. Идея миролюбия занимает важное место в национальной мифологии россиян, и образ медведя помогает созданию соответствующей картины международных отношений. Воплощая огромные размеры страны, ее силу, мощь, заставляющую трепетать соседей, медведь в то же время добродушен и миролюбив. Он не хищник по своей природе, поэтому силовые акции всегда можно сопроводить фразами типа «разбудили мишку», «не надо было дразнить медведя», иллюстрируя вынужденность подобной реакции; он «дает отпор лишь тогда, когда его загоняют в угол» [цит. по: Михайлова 2015: 145]. Так, в 2005 г. «Аргументы и факты» публикуют фотоколлаж под названием «Русский 'мишка' добрый, но сколько можно его обижать?», который сопровождает материалы, посвященные «антироссийской

¹ Напр.: Черепанов Ю. На потоке // Крокодил. 1982. № 35. С. 11.

политике» правительств Грузии и стран Балтии¹. Однако официальные лица старались избегать использования данного символа во внешнеполитической риторике, справедливо полагая, что тот выступает, прежде всего, средством делегитимации страны в глазах западной аудитории. Во всяком случае, если во время войны в Закавказье в 2008 г. в западных медиа образ «русского медведя» эксплуатировался активно, то российские СМИ и официальные лица старались дистанцироваться от него, указывая на русофобский, расистский, характер его применения [Riabov, Lazari, 2009]. Показателен первый случай обращения к нему В. Путина в сентябре 2009 г.: в интервью немецкой газете он высмеял попытки представителей стран ЕС создать образ России как «медведя, который хочет всех поглотить»².

Вместе с тем в последние годы происходят примечательные изменения в использовании исследуемой метафоры как в российском, так и в западном внешнеполитических дискурсах, связанные с обострением отношений между Россией и Западом в условиях украинского кризиса.

Медвежья метафора России в дискурсе украинского кризиса

Говоря о роли медвежьей метафоры в репрезентациях событий на Украине, необходимо принимать во внимание, что важнейшей чертой дискурса Евромайдана было своеобразное «бегство от России»; вступление в ЕС рассматривалось как освобождение от влияния восточного соседа, сущностная чуждость которого европейской цивилизацией активно подчеркивалась — и образ «русского медведя» играл в этом заметную роль. В западных медиа содержались призывы помочь украинцам освободиться от медвежьих объятий России³. Дальнейшие события расценивались как вполне естественная для России-медведя реакция.

¹ Дорощев А. <«Русский мишка» добрый... > // Аргументы и факты. 2005. № 20. С. 1.

² Путин: Россия не медведь, который хочет всех поглотить // Newsland. 14/09/2009. URL.: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2009/09/14/n_1403308 (дата обращения: 22.02.2014).

³ Напр.: Traynor I. Ukrainian protests show the European Union still offers hope to some // The Guardian. 1.12.2013. URL.: <https://www.theguardian.com/world/2013/dec/01/ukrainian-protests-european-union-hope> (accessed: 26.09.2016).

Так, в марте 2014 г. журнал «The Economist» опубликовал карикатуру «Ненасытный», изображающую, как Россия в облике медведя проглатывает Украину¹. Примечательно, что некоторое время спустя похожий рисунок был помещен в учебник по обществознанию, предназначенный для школьников в Нидерландах²; это показывает, кстати, что медвежья метафора становится частью образовательного процесса в странах ЕС: юных европейцев с детства приучают видеть в России страшного хищного зверя...

Приведем еще пример использования медвежьей метафоры в манипулятивных целях. Уже 18 июля 2014 г., то есть на другой день после трагедии малайзийского «Боинга» в небе над Донбассом, «The Chicago Tribune» печатает карикатуру под названием «Путинский питомец», на которой изображен огромный злобный медведь, челюсти которого перекусывают корпус самолета [Stantis 2014]. На тот момент существовали самые разные версии произошедшего; этот же образ призван ассоциировать гибель пассажиров именно с Россией.

Введение режима санкций сопровождалось широким привлечением медвежьей метафоры, когда использовалась типичная для портретирования «русского медведя» тема наказания зверя (сюжеты охоты на медведя, заточения его в клетку, посажения на цепь и т.п.). С большим интересом относится к анализируемому образу украинский политик Н. Савченко. Во время судебного процесса она подготовила выступление, в котором содержались следующие слова: «А медведь человеческого языка не понимает, он понимает только язык силы. Поэтому, если мы не станем более решительными и не определим вовремя верные приоритеты, то скоро будем иметь Третью Мировую Войну»³. Впрочем, в дальнейшем она смягчила свою позицию и, отвечая на упреки в готов-

¹ Insatiable // The Economist. 19.04.2014. URL.: <http://www.economist.com/news/leaders/21600979-cost-stopping-russian-bear-now-highbut-it-will-only-get-higher-if-west-does> (accessed: 26.09.2016).

² В голландских школьных учебниках Россия представлена в виде монстра // Ридус.ру. 28.07.2015. URL.: <http://www.ridus.ru/news/189649> (дата обращения: 22.02.2014).

³ Несказанное «последнее слово» Савченко в российском суде (полный текст) // СЕГОДНЯ.ua. 3.03.2016. URL.: <http://www.unian.net/politics/1282296-neskazannoe-poslednee-slovo-savchenko-v-rossiyskom-sude-polnyiy-tekst.html> (дата обращения: 22.02.2014).

ности идти на компромисс с российской стороной, заявила: «Если мишка поддается дрессировке, ему дают кусок сахара!»¹. Окровавленный медведь был изображен на обложке номера вышедшего весной 2016 г. «Foreign Affairs», в котором обсуждались перспективы российской экономики в условиях режима западных санкций; фотоколлаж сопровождала следующая подпись: «Путинская Россия — в нокдауне, но не в нокауте»².

Медвежья метафора используется и в тех высказываниях, которые преследуют цель если не оправдать, то понять политику России: ее следует принимать такой, какой она якобы является — то есть, со всеми «неустранимыми медвежьими чертами». Лидер британских евроскептиков, выступая в Европарламенте по поводу украинского кризиса, обвинил ЕС в эскалации кризисной ситуации и посоветовал не дразнить русского медведя: «Если тыкать в русского медведя палкой, он ответит»³.

Таким образом, в период украинского кризиса для создания репрезентаций России политики, эксперты и журналисты активно эксплуатируют традиционные черты образа «русского медведя». В то же время обращает на себя внимание новая тенденция использования медвежьей метафоры. Последнее время все чаще обсуждается проблема вакуума силы на международной арене, который порождает геополитическую нестабильность и приводит к серьезному возрастанию угрозы со стороны международного терроризма⁴. Эта слабость, которую, как утверждают многие, демонстрируют страны Запада, становится особенно заметной на фоне силы «русского медведя» и его готовности ее применять. Поскольку сила и власть воспринимаются, как правило, в качестве атрибутов традиционной маскулинности [Рябова 2009], то встает вопрос о том, соответствует ли нынешней непростой международной обстановке утверждаю-

¹ Надежда Савченко: «Если мишка поддается дрессировке, ему дают кусок сахара!» // Новая газета. 5.07.2016. URL.: <http://www.novayagazeta.ru/politics/73729.html> (дата обращения: 22.02.2014).

² Rose G. Putin's Russia. Down but not out // Foreign Affairs. 2016. May-June. URL.: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2016-04-20/putins-russia> (accessed: 26.09.2016).

³ Деловые качества Путина восхищают британского политика // ИноТВ. 31.03.2014. URL.: <https://russian.rt.com/inotv/2014-03-31/Delovye-kachestva-Putina-voshshhayut-britanskogo> (дата обращения: 22.09.2016).

⁴ Валль А. дельль. Реванш Путина // Atlantico. 16.08.2016 URL.: <http://inosmi.ru/politic/20160816/237561149.html> (дата обращения: 22.09.2016).

щаяся в западных обществах новая маскулинность, включающая в себя многие фемининные качества. Иллюстрацией такого рода сомнений может служить карикатура голландского художника, опубликованная в 2014 г.¹ Ее название цитирует известные слова Р. Киплинга «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и им никогда не встретиться»; подзаголовок «Столкновение цивилизаций» напоминает об идеях С. Хантингтона; само же изображение отсылает к противопоставлению «Американцы с Марса, а европейцы — с Венеры», сделанному американским политологом Р. Кэйганом [Kagan 2002], которое говорит о воинственности первых и миролюбии вторых. Однако, на анализируемой карикатуре, мы видим, что художник ассоциирует с Марсом Россию, которую олицетворяет Путин верхом на грозном медведе, в то время символом современной Европы служит «Кончита Вурст» — победитель конкурса Евровидение-2014, который стал одним из символов этой новой маскулинности. «Столкновение цивилизаций», таким образом, может быть прочитано сегодня и как «столкновение маскулинностей». Подобный скептицизм заметен и в американском обществе; Б. Обама как одно из воплощений этой новой политической маскулинности, подвергается серьезной критике, особенно в дискурсе Республиканской партии; сенатор Т. Круз сравнил того с котенком, противостоящим медведю-Путину². Не удивительно, что близкий к республиканцам телеканал Fox News заявил, что Д. Трамп, их кандидат на президентских выборах—2016, поможет американским мужчинам вернуть утерянную мужественность в условиях, когда демократы «попытались феминизировать эту страну в культурном плане самым отвратительным образом»³. Таким образом, Россия-медведь изображается без особых симпатий, однако она представлена как воплощение качества, которое рассматривается как одно из наиболее ценных в современной ситуации — силы. В постсоветской истории такое, заметим, случилось нечасто.

¹ Schot. Never the twain shall meet. URL.: <http://www.cagle.com/2014/05/never-the-twain-shall-meet> (accessed: 26.09.2016).

² Howell K. Cruz: «Russian bear is encountering the Obama kitty cat» // The Washington Times. 30.08. 2014. URL.: <http://www.washingtontimes.com/news/2014/aug/30/cruz-russian-bear-encountering-obama-kitty-cat/> (accessed: 26.09.2016).

³ Телеведущая Fox News: Дональд Трамп поможет американским мужчинам вернуть утерянную мужественность. 25.12.2015. URL.: <http://mixednews.ru/archives/93662> (дата обращения: 22.09.2016).

Еще более значительными переменами отмечена российская внешнеполитическая риторика. Необходимо подчеркнуть, что они сопровождаются изменениями в самоидентификации, происходящими в массовом сознании. В ходе всероссийского опроса (N = 1500), проведенного в сентябре 2015 г., в ответ на вопрос «С какими образами Вы ассоциируете Россию?» 12% респондентов назвали образ медведя (во время аналогичного опроса 2003 г. таковых было лишь 3%). Любопытно, что о медведе как символе России чаще говорили мужчины, представили молодежной возрастной группы, россияне с высоким доходом и жители Сибири¹. Использование «русского медведя» для самоидентификации отражается в текстах публикаций, комментариях на интернет-форумах, демотиваторах, в риторике официальных представителей России². Одним из наиболее заметных проявлений этой тенденции стало включение образа России как медведя в выступления российского президента. На встрече Валдайского клуба в октябре 2014 г. Путин, говоря о защите интересов России, вспомнил выражение «что позволено Юпитеру, не позволено быку» и заявил, что «медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет» и «своей тайги никому не отдаст»³. В декабре 2014 г., во время ежегодной пресс-конференции, отвечая на вопрос о причинах обострения отношений с Западом, президент вновь сравнил Россию с медведем, который не должен расслабляться, чтобы не потерять зубы и когти и не стать охотничьим трофеем в виде чучела⁴.

Необходимо отметить появление новой ипостаси «русского медведя» — материнской, которая становится особо замет-

¹ Образ Родины — в натуре // РОМИР. 29.09.2015. URL.: <http://romir.ru/studies/> (дата обращения: 22.02.2014).

² Например, А. Мигранян, руководитель нью-йоркского представительства российского Института демократии и сотрудничества, осудил страны «Новой Европы» за их провокационные, по его словам, действия по отношению к России и предупредил их: «Не надо лаять на большого медведя. Это опасно» (Чего на самом деле хочет Россия. URL.: <http://inosmi.ru/world/20150624/228753745.html#ixzz3fyhRIH1x> (accessed: 26.09.2016)).

³ Путин о политике РФ: русский медведь в другие земли не хочет // РИА новости. 24.10.2014. URL.: <http://ria.ru/politics/20141024/1029951137.html> (дата обращения: 22.02.2014).

⁴ Владимир Путин: как только русский медведь расслабится, из него сделают чучело // Вести.ru. 18.12.2014. URL.: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2209651> (дата обращения: 22.02.2014).

ной в дискурсе легитимации присоединения Крыма к РФ [Рябов 2014]. «Русский медведь», иными словами, превращается в «русскую медведицу». Материнский образ Родины является одним из наиболее древних, известных и влиятельных символов российской культуры. Образ России как матери Крыма, нередко дополняемый образом Украины как мачехи, активно использовался в репрезентациях событий украинского кризиса. Привлечение материнского символа способствовало легитимации присоединения Крыма в разнообразных формах; в частности, это позволило использовать символический потенциал «Родины-матери», накопленный за многовековую историю его существования. В ситуации противостояния с киевскими властями было особенно эффективным обращение к образам Великой Отечественной войны и практикам коммеморации послевоенного периода; этим, в частности, объясняется активнейшее использование знаменитого образа с плаката И. Тоидзе. Для нашего исследования имеет особое значение то, что в риторику, посвященную присоединению Крыма, включается такая модификация материнского символа, как образ России-медведицы, заботливо опекающей своего медвежонка — Крым [Рябов 2014].

Заключение

Попробуем подвести итоги. В западном дискурсе медвежья метафора используется, как правило, для проведения символической границы с Россией, будучи призванной промаркировать ее неевропейскую сущность и обусловленные этим агрессивность и отсталость. Какое влияние оказывает эксплуатация медвежьей метафоры на восприятие России на международной арене?

Прежде всего, она способствует мобилизации значений (по преимуществу, негативных), закрепленных за образом «русского медведя»: кровавая, агрессивная, деспотичная, варварская, отсталая, неевропейская страна.

При этом следует учитывать, что включение этой метафоры в дискурс международных отношений способствует эссенциализации нынешних противоречий между Россией и Западом, представление их в качестве сущностных и потому неустранимых. Репрезентации Российской Федерации при помощи медвежьей метафоры способствует восприятию ее во фрейме «Империя Зла»; западную аудиторию тем самым стараются убедить в том, что Россия всегда останется враждебной «свободному миру». Американский историк М. Малиа использовал термин «веч-

ная Россия» (eternal Russia) для того, чтобы подвергнуть критике позицию тех западных политиков и экспертов, которые исходят из того, что Россия не способна меняться и, следовательно, враждебные отношения между двумя странами периода Холодной войны будут воспроизводить себя и в будущем [Malia 2000: 1].

Еще одно последствие эксплуатации медвежьей метафоры — гомогенизация россиян; все они — некая эманация большого «русского медведя», все они несут коллективную ответственность за внешнюю и внутреннюю политику страны. Дж. Лакофф показал, как метафора «государство — это личность» использовалась для легитимации внешнеполитических решений в период военной операции США в Ираке, которая начинала выглядеть таким образом, что единственным противником является С. Хуссейн; тем самым смерти и лишения сотен тысяч иракцев становились «невидимыми» [Lakoff 2003].

В случае с медведем ситуация усугубляется тем, что россияне репрезентируют не человек, а животное. Привлечение животных метафор в освещение проблем международных отношений — это, как правило, один из способов дегуманизации оппонента, лишения его человеческого облика. Эксплуатация животной метафоры приводит к тому, что оппоненту отказывают в способности испытывать человеческие эмоции (например, страх и боль), что позволяет быть по отношению к нему безжалостным [Steuter, Wills 2008: 39–40]. В случае с нашим героем примером может служить ситуация с публикацией в «The Korea Times» карикатуры «Очень расстроенный Русский медведь Путин», посвященного терактам в московском метро 29 марта 2010 г. В России публикация вызвала возмущение; МИД РФ даже потребовал извинений. Скорее всего, художник не имел намерения оскорбить память погибших, однако у образов есть своя логика; действительно, ревуший в три ручья медведь способен вызвать смех, но едва ли сострадание¹.

Говоря об аспектах прагматики использования метафоры в международных отношениях, необходимо принимать во внимание не только ее манипулятивный потенциал и влияние на восприятие ситуации, но и ту роль, которую она может играть в принятии решений. Анализируя символическую политику,

¹ Кореяская газета опубликовала оскорбительные карикатуры на теракты в московском метро // NEWSRU.com. 2.04.2010. URL.: <http://www.newsru.com/world/02apr2010/cartoons.html> (дата обращения: 22.09.2016).

О. Малинова подчеркивает, что элиты, конструирующие смыслы, сами действуют в рамках социально разделяемых систем смыслов и, участвуя в их производстве и воспроизводстве, подчиняются их логике [Малинова 2013: 13]; Г. Тульчинский справедливо отмечает, что акторы «информационных войн» сами оказываются продуктами интерпретаций [Тульчинский 2015: 27]. Очевидно, в глобальной символической политике, которая представляет собой символическую борьбу за производство смыслов в глобальном информационном пространстве, элита также оказывается заложником применяемых концептуальных метафор. Как заметил П. Чилтон, включение метафор в дискурс порождает ситуацию, когда они обеспечивают приоритет одного понимания реальности над другим; они становятся важным фактором в производстве политической реальности, в том числе реальности международных отношений [Chilton 1996: 74].

Например, использование животной метафоры в отношении оппонента вовлекает в дискурс также метафору охоты, что, в свою очередь, предписывая строго определенный набор ролей и вариантов поведения, существенно ограничивает автономию политика в принятии решений. Охотник может выслеживать, расставлять капканы, преследовать, ранить, убивать — но он не может договариваться [Steuter, Wills 2008: 73]. Не удивительно, что при описании отношений с Россией часто встречается фраза «Медведь понимает только силу» (выше мы цитировали подобное высказывание, принадлежащее Н. Савченко).

Показательным является связанное с исследуемой метафорой признание американского политического обозревателя Ч. Краутхаммера о том эффекте, который произвел в США запуск первого в мире спутника в 1957 г.: «Спутник стал для страны шоком, потому что до этого мы всегда считали Россию большим, чрезвычайно сильным, но неуклюжим медведем. Медведь измотал нацистов, медведь был способен в умопомрачительных количествах производить сталь, но у нас было то, чего у него не было ни капли, — ум и смекалка. И вот в один прекрасный день мы просыпаемся и видим, что он обогнал нас в космосе...»¹.

Очевидно, убежденность в том, что оппонент является неуклюжим и недалеким может привести к весьма опасным для международной стабильности последствиям — поскольку это в

¹ *Krauthammer C. What Sputnik Launched // The Washington Post. 5.10.2007. URL.: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/10/04/AR2007100401922_pf.html (accessed: 26.09.2016).*

большинстве случаев не соответствует действительности и затрудняет политическое прогнозирование. Не эта ли самоуверенность, порождаемая в том числе и представлениями о России как о медведе, в итоге обернулась демонстрацией беспомощности западных экспертов и политиков в ситуации украинского кризиса, которые подвели мир сегодня к опасной черте?

Можно спорить о том, в какой мере политика России дает основания для подобного рода оценок. Однако нельзя не обратить внимания на то, что использование животных аллегорий наций, рас и культур, достаточно распространенных в культуре XVIII–XX вв., в настоящее время практически табуировано. Граждане России вправе ожидать, что обязательное для репутационных западных СМИ правило политкорректности с ее требованиями ответственного использования языка должно распространяться и на них... Положение, однако, осложняется тем, что последние годы россияне сами готовы ассоциировать себя со зверем; вопрос о том, в какой степени такая идентификация представляет собой временное явление, вызванное обострением отношений с Западом в условиях режима санкций, нуждается в дальнейшем исследовании. Можно предположить, что использование медвежьей метафоры в подобном контексте отражает рост антизападных настроений, с одной стороны, и выступает фактором их поддержания, с другой.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В. Концептуальная метафора на службе у разведки США // Политическая лингвистика. — 2015. № 2. С. 12–16.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования // Политическая лингвистика. — 2006. № 17. С. 35–77.

Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. — СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2007. С. 87–96.

Ворошилова М. Б. Образ Винни-Пуха в современной российской политической карикатуре // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2013. № 4. С. 116–125.

Гайлите Г. Медведь и Латвия: Образы латышско-российских отношений в карикатуре // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2013. № 4. С. 29–40.

Лазари А. де, Рябов О. В. Русский медведь в польской сатирической графике межвоенного периода (1919–1939) // Границы: Альманах

Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2: Визуализация нации. — Иваново: ИвГУ, 2008. С. 162–182.

Лакофф Дж. Метафора и война: Система метафор для оправдания войны в Заливе // Современная политическая лингвистика / под ред. Э. В. Будаева, А. П. Чудинова. — Екатеринбург: УрГПУ, 2006. С. 59–71. Режим доступа.: www.philology.ru/linguistics1/lakoff-06.htm.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. С. 387–415. Режим доступа.: <http://www.philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm>.

Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. — М.: ИНИОН РАН, 2013.

Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2012. Т. 8. № 4. С. 179–204.

Михайлова Ю. Н. Медведь в политическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. № 4. Т. 4. Филология. С. 143–146.

Россомахин А., Хрусталева Д. Россия как Медведь: Истоки визуализации (XVI–XVIII века) // Границы : Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. — Иваново: ИвГУ, 2008. Вып. 2: Визуализация нации. С. 123–161.

Рябов Д. О. Образ России в политике европейской идентичности ЕС: дисс. ... кандидата политических наук. — СПб., 2016.

Рябов О. В., Константинова М. А. «Русский медведь» как символический пограничник // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. — 2011. № 6. С. 114–123.

Рябов О. В. Мать и мачеха: Материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к РФ // Женщина в российском обществе. — 2014. № 4. С. 40–50.

Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: Социологический анализ: дисс. ... доктора социологических наук. — Иваново, 2009.

Тульчинский Г. Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. — 2015. № 5. С. 24–33.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001.

Bieder R. E. Bear. — L.: Reaktion Book, 2005.

Chilton P. A. Security Metaphors, Cold War Discourse from Containment to Common House. — New York; Bern; Frankfurt/M.: Peter Lang, 1996.

Cohn C. Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War // Gendering War Talk / ed. by M. Cooke, A. Woollacott. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. Pp. 227–246.

Diemert B. Uncontainable Metaphor: George F. Kennan's «X» Article and Cold War Discourse // *Canadian Review of American Studies*. — 2005. Vol. 35. № 1. Pp. 21–55.

Dittmer J. N. European Re-Union: Representations of Eastern Europe in NATO and EU Expansion. — Florida State University, 2003. Режим доступа: <http://etd.lib.fsu.edu/theses/available/etd-08312003-220800/>.

Kagan R. Power and Weakness // *Policy Review*. — 2002. № 113. Режим доступа.: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/bush/kagan.htm>.

Lakoff G. Metaphor and War, Again. 17.03.2003. — Режим доступа.: http://www.alternet.org/story/15414/metaphor_and_war_again.

Lazari A. de, Riabov O., Żakowska M. Europa i Niedźwiedź. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013.

Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. — Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University, 2000.

Marks M. Metaphors in international relations theory. — Palgrave Macmillan, 2011.

Neumann I. B. Constructing Europe: Russia as Europe's Other // *Political Symbols, Symbolic Politics: European Identities in Transformation* / ed. by U. Hedetoft. — Aldershot; Brookfield: Ashgate, 1998.

Riabov O., Lazari A. de. Misha and the Bear: the Bear Metaphor for Russia in Representations of the «Five-Day War» // *Russian Politics and Law*. — 2009. Vol. 47. № 5. Pp. 26–39.

Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin. *Problems of Post-Communism*. — 2014. Vol. 60. № 2. Pp. 23–35.

Shepard P., Sanders B. The Sacred Paw: The Bear in Nature, Myth, and Literature. — New York: The Viking Press, 1985.

Shimko K. L. Metaphors and Foreign Policy Decision Making // *Political Psychology*. — 1994. Vol. 15. № 4. Pp. 655–671.

Steuter E., Wills D. At War with Metaphor: Media Propaganda and Racism in the War on Terror. — Lexington books, 2008.